

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6)
EDN [KUCUJE](https://www.edn.ru/KUCUJE)
УДК 314.7

Н. Ю. Микрюков¹

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИИ КАК ФАКТОРЫ ГЕНДЕРНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. Предметом исследования стали диспропорции в численности мужчин и женщин молодых возрастов в российских регионах. Целью исследования является оценка влияния межрегиональной и международной миграции на формирование гендерных дисбалансов в регионах. В качестве гипотезы предполагалось, что результаты анализа миграционной статистики совпадут с результатами, представленными в переписи населения 2020 г. Для исследования использованы статистические ряды межпереписного периода 2017–2019 гг., разработан и применён показатель накопленного миграционного гендерного дисбаланса к возрасту 29 лет и соотнесён с численностью населения в возрасте 25–29 лет, построена визуализация на карте. Замечено, что в большинстве регионов России имеет место эмиграция женщин начиная с самого раннего детства. Молодые женщины активно выезжают из бедных регионов, регионов с низким уровнем развития социальной сферы в столичные агломерации Санкт-Петербурга и Москвы. Переезд в агломерации с дорогим жильём влечёт за собой откладывание вступления в брак, падение рождаемости, регионы теряют репродуктивный потенциал. Одновременно происходит трудовая иммиграция молодых мужчин в основном из республик Таджикистан и Киргизии, что в сочетании с оттоком девушек создаёт численный мужской перевес в молодых возрастах, особенно в ресурсно-сырьевых регионах Дальнего Востока и Сибири, в пристоличной Калужской области, в Республике Мордовия, что подтверждается данными переписи 2020 г. В возрастах 25–29 лет имеют место выезды мужчин из южных регионов в более северные для вынужденной работы с отрывом от семей, что негативно сказывается на семейной жизни и демографическом развитии. Для ликвидации гендерных дисбалансов, выправления негативных демографических трендов, повышения рождаемости, укрепления семейных связей необходимо выравнивание доходов. Финансовые средства, в том числе ресурсно-сырьевую ренту, банковские капиталы следует направить на повышение заработных плат, на воссоздание традиционных отраслей в южных регионах и странах; и на создание высокого уровня социальной инфраструктуры, комфортной для проживания семей с детьми, в регионах Севера. Результаты исследования могут быть применены в региональной и международной политике для выработки государственных решений с привлечением крупного бизнеса для инвестиций в страны и регионы. Проведение будущих гендерных исследований по странам и регионам будет тесно связано с качеством и доступностью статистического материала по данной тематике.

Ключевые слова: гендерное неравенство, регионы России, миграция, гендер, демография, женщины в России

Для цитирования: Микрюков Н. Ю. Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 65–84. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6). EDN [KUCUJE](https://www.edn.ru/KUCUJE)

Введение. Гендерные диспропорции, то есть неравномерное соотношение мужчин и женщин в стране или в регионе, не так критично в пожилых возрастах, как в молодых, поскольку молодой возраст является главным периодом для

создания семей, рождения детей. Дисбаланс в численности мужчин и женщин в молодом возрасте приводит к невозможности найти себе пару для части молодых людей или девушек, сужению выбора будущих супругов, обострению конкуренции среди лиц многочисленного пола, возможному развязному поведению лиц меньшего по численности пола, результатом может стать также снижение рождаемости. Возможны психологические проблемы, стрессовые ситуации, измены уже находящихся в браке, маргинальное поведение. Поэтому серьёзные, а тем более нарастающие гендерные диспропорции в молодом возрасте нежелательны.

Диспропорции в численности молодых мужчин и женщин могут быть обусловлены двумя типами факторов: естественным и миграционным. Под группой естественных факторов понимается сверхсмертность одного из полов, в том числе селективные аборты, когда abortируется ребёнок определённого пола, что приводит к гендерному дисбалансу, как например в Китайской Народной Республике. Под группой миграционных факторов понимается преобладание лиц одного пола в потоках миграции, что приводит к гендерному дисбалансу в регионе выхода мигрантов и, как правило, к противоположному дисбалансу – в регионе приёма мигрантов.

Из общестрановых данных, приведённых в Таблице 1, видно, что мужская смертность выше женской, значит причина значительного численного преимущества молодых мужчин в некоторых регионах находится в миграции.

Таблица 1

Возрастные коэффициенты смертности мужчин и женщин в России за 2017–2019 гг., ‰

Поколения, лет	Мужчины				Женщины				Разница между мужской и женской смертностью			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
10–14	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1
15–19	0,9	0,8	0,8	0,8	0,4	0,4	0,4	0,4	-0,5	-0,4	-0,4	-0,4
20–24	1,5	1,4	1,4	1,4	0,5	0,5	0,5	0,5	-1,0	-1,0	-0,9	-0,9
25–29	2,4	2,2	2,0	2,1	0,8	0,8	0,7	0,7	-1,6	-1,4	-1,3	-1,4
30–34	4,0	3,7	3,5	3,7	1,4	1,3	1,2	1,3	-2,6	-2,4	-2,3	-2,4
35–39	6,1	5,9	5,6	5,9	2,1	2,1	2,0	2,1	-4,0	-3,8	-3,6	-3,8

Источник: Демографической ежегодник России 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021, 167 с.

Представляется целесообразным рассмотреть оба вида миграции – межрегиональную и международную – как факторы гендерных дисбалансов, проследить пространственное распределение дисбалансов, оценить степень влияния каждого вида миграции на формирование диспропорций в численности полов в молодом возрасте, а также предложить решения, направленные на сглаживание гендерных дисбалансов в регионах.

Обзор научной литературы. Научной литературы, посвящённой гендерным исследованиям, не так много в социологии, а посвящённой вопросам пространственного распределения гендерных аспектов и вовсе малое число. Тема гендер-

ных исследований сравнительно сложна, поскольку обязательно включает в себя аспект психологии, специфику поведенческих особенностей мужчины и женщин, которые необходимо сопоставлять, сравнивать и объяснять, даже формально получив результаты исследования. Большая часть научной литературы гендерных исследований посвящена женской эмансипации, проблемам женщин в обществе. Не так много исследований, освещающих то или иное явление с гендерных позиций, пытающихся объяснить разницу в поведении мужчин и женщин.

Большой вклад в исследование проблем гендерного характера миграций внесли учёные Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. В статье члена-корреспондента РАН, проф. С. В. Рязанцева, проф. Т. К. Ростовской, С. Н. Перемышлина [1] указывается на тренд феминизации миграции, приводятся данные, утверждающие, что доля женщин в мировых потоках миграции, в т.ч. в трудовой миграции, в среднем превышает уровень 40%. В миграционных потоках в Россию из стран Средней Азии женская миграция особенно характерна для Киргизии. Благодаря тому, что русский язык в Киргизии носит статус государственного, её мигранты лучше говорят по-русски и легче трудоустраиваются в сфере обслуживания, в том числе женщины. В статье С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой, Т. К. Ростовской, Л. А. Бушковой [2] подробно анализируется феномен т.н. «русских жён», а именно брачной миграции из российских регионов. Называются причины покидания женщинами своей страны (бедность, снижение уровня жизни, маргинализация мужского населения), одновременно подчёркивается, что страна и её регионы теряют одну из лучших составляющих своего демографического, репродуктивного потенциала. В статье М. Н. Храмовой, С. В. Рязанцева [3] указывается на преобладание женщин и брачной эмиграции в общем потоке эмиграции из российских регионов. В статье О. Л. Рыбаковского, С. В. Мартыненко [4] говорится о лучшей приживаемости женщин в местах прибытия, тогда как среди мужчин больше «возвращенцев».

Региональные аспекты гендерных проблем рассматривает в своих научных исследованиях профессор Н. В. Зубаревич. В её статье указывается, что во многих российских регионах в 1990-е годы гендерное равенство в занятости женщин было обусловлено деградацией социально-экономической сферы, явилось вынужденным ответом на маргинализацию, алкоголизм мужчин [5, с. 36–39]. Особенно остро такая проблема стояла в регионах Центральной России, Северо-Запада, Южной Сибири и Дальнего Востока. На Дальнем Востоке доля внебрачных рождений в то время составляла более 50%. Исследователь миграции Е. В. Тюрюканова [6] писала о большей уязвимости, незащищённости женщин в миграции с точки зрения криминала, рисков попадания их в преступные схемы, в эксплуатацию.

В исследовании учёных Института этнологии и антропологии РАН, посвящённому следствиям дисбаланса мужского и женского населения России, делается вывод о том, что при численном преобладании мужчин, они более склонны к осознанному сохранению брака и отцовству [7]. Вместе с тем в докладе Института национальной стратегии [8] указано, что значительное численное преобладание мужчин в молодых возрастах среди мигрантов приводило к росту изнасилований и проституции со значительным вовлечением в неё местных женщин репродуктивного возраста, а впоследствии чревато вспышками насилия при изменении социальных условий.

Интересен доклад продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН по вопросам гендерных проблем в сельской местности стран российско-го Ближнего Зарубежья [9]. В нем указывается на серьёзные, кризисные явле-

ния в экономиках большинства стран бывшего российского присутствия (кроме Туркмении), начавшиеся после распада союзного государства и начала реформ в 1991-1992 годах. Среди основных гендерных проблем в докладе называются: вынужденная работа мужчин за границей, что приводит к безотцовщине, кризису семей; утрата в 1990-е годы традиционных для сельской местности отраслей, в которых ранее были заняты женщины (шелководство в Азербайджане); закрытие многих учреждений социальной сферы в 2000-е годы в российской сельской местности, что привело к повышенному оттоку из неё женщин; появление на Украине и, возможно, в России особой когорты внутренних переселенцев, женщин с детьми, ранее живших в городах, но вынужденных переехать в сельскую местность, не имея опыта жизни в ней. Для многих стран отмечается необходимость поддержки семей с детьми как наиболее уязвимой с точки зрения бедности группы населения.

Таким образом, пространственное распределение гендерных особенностей является сравнительно редким, но тем более значимым объектом научного исследования. Гендерные исследования тесно связаны с анализом поведенческих особенностей полов, необходимостью уловить различия, иногда заметные в статистических материалах.

Материалы и методы. Основным материалом по половозрастному составу населения в регионах являются данные переписей населения, проводимых в Российской Федерации в 2002, 2010, 2020 годах. Миграцию как фактор формирования дисбаланса в численности полов можно оценить, используя опубликованную с 2017 г. статистику Росстата по регионам, по полу и возрасту, по межрегиональной и международной миграции. Поскольку последние данные по половозрастной структуре по регионам содержатся в переписи 2020 г., то статистику миграции мы будем брать за межпереписной период 2017–2019 гг., тогда перепись 2020 г. покажет результат, сформированный миграциями. Нужно признать, что возможные реальные перемещения кратно больше, чем те, которые фиксируются статистикой. Статистика позволяет оценить общее направление, векторы миграции, выявить тенденцию, реальная же миграция скорее всего больше статистически фиксируемых величин. Из статистического анализа миграций исключена Республика Ингушетия по причине особенностей статистического учёта и несопоставимости показателей.

В статье использовались методы: описательный, сравнительный, картографический, районирование, анализа статистики, математический (формульный), индуктивный при выявлении закономерностей, синтеза и генерализации при формировании выводов, анализа геодемографического положения.

Межрегиональная миграция как фактор гендерных дисбалансов в регионах России. Большинство регионов России характеризуется миграционной убылью населения в другие субъекты [10]. Для анализа гендерных дисбалансов в регионах, сформированных в результате межрегиональной миграции, был рассчитан специальный показатель. Для каждого из поколений до 29 лет вычислялись гендерные дисбалансы сальдо миграции:

$$МПм(2017-2019) - МПж(2017-2019) = dМПм-ж, \quad (1)$$

где

МПм(2017-2019) – сальдо миграции мужчин за 2017-2019 годы,

МПж(2017-2019) – сальдо миграции женщин за 2017-2019 годы,

dМПм-ж – гендерный дисбаланс сальдо миграции для одного поколения

Приведём порядок расчёта гендерного дисбаланса на примере Ивановской области (см. табл. 2).

Таблица 2

Порядок расчёта показателей гендерного дисбаланса в результате межрегиональной миграции на примере Ивановской области

Возраст поколения	Сальдо миграции, женщины, чел.			Сальдо миграции, мужчины, чел.			Сумма сальдо миграции женщин, МПм(2017-2019), чел.	Сумма сальдо миграции мужчин, МПж(2017-2019), чел.	Гендерный дисбаланс сальдо миграции, dМПм-ж, чел
	2017	2018	2019	2017	2018	2019			
0 лет	0	-9	-22	11	-15	-8	-31	-12	19
1 год	-16	-37	-5	-30	-18	-8	-58	-56	2
2 года	-41	-35	-21	-49	-38	-23	-97	-110	-13
3 года	-23	-37	-51	-19	-28	-16	-111	-63	48
4 года	-50	-34	2	-18	-49	-4	-82	-71	11
5 лет	-25	-47	-34	-9	-43	-24	-106	-76	30
6 лет	-20	-37	-10	-24	-33	-7	-67	-64	3
7 лет	-25	-19	-8	-13	-56	-27	-52	-96	-44
8 лет	-11	-7	-13	-20	-26	-7	-31	-53	-22
9 лет	-24	-40	-23	-32	-40	-35	-87	-107	-20
10 лет	-17	-26	-22	-5	-17	5	-65	-17	48
11 лет	-16	-15	-12	-17	-12	-9	-43	-38	5
12 лет	-26	-34	-26	-13	-17	-21	-86	-51	35
13 лет	-24	-35	-1	-23	-28	-14	-60	-65	-5
14 лет	-33	-24	-22	-3	-22	-13	-79	-38	41
15 лет	-11	-52	-17	-13	-38	-37	-80	-88	-8
16 лет	-15	-15	-36	-37	-44	-52	-66	-133	-67
17 лет	-35	-30	-38	7	-9	-20	-103	-22	81
18 лет	-3	-20	-19	116	53	88	-42	257	299
19 лет	-47	-72	-61	19	-91	-4	-180	-76	104
20 лет	85	83	71	75	50	38	239	163	-76
21 год	20	-2	46	49	-41	0	64	8	-56
22 года	-47	-68	-42	28	10	34	-157	72	229
23 года	-79	-62	-76	3	-35	12	-217	-20	197
24 года	-28	-28	-14	-18	-26	2	-70	-42	28
25 лет	-62	-59	-39	-58	-17	-36	-160	-111	49
26 лет	-54	-54	-25	-64	-39	7	-133	-96	37
27 лет	-60	-97	-53	-62	-23	-51	-210	-136	74
28 лет	-70	-94	-20	-24	-77	-10	-184	-111	73
29 лет	-69	-62	-40	-46	-75	-23	-171	-144	27

Примечание: Тёмным цветом в последнем столбце выделены региональные гендерные дисбалансы с преобладанием мужчин, белым цветом – с преобладанием женщин.

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

Как видно из Таблицы 2, гендерные дисбалансы в молодых возрастах в Ивановской области характеризовались ярко выраженным преобладанием мужчин. В Ивановской области, как и во многих регионах России, отток девочек и девушек начинает превышать отток юношей ещё в дошкольном возрасте, со временем становясь все более устойчивым, ежегодным, несмотря на то что в молодых возрастах мужской пол численно преобладает над женским. В Таблице 3 представлены в качестве примеров регионы различных типов эмиграции женщин. Так, в Ивановской области устойчивый отток женщин начинается с самого раннего детства, в Архангельской области – примерно с 8 лет, в Республике Коми – с 17 лет, а в Астраханской области – с 21 года.

Таблица 3

Гендерные дисбалансы в регионах России, возникшие результате межрегиональной миграции в период 2017–2019 гг., чел., дМП(м-ж)

Возраст, лет	Ивановская область (опережающий отток женщин с раннего детства)	Архангельская область (опережающий отток женщин с 8 лет)	Республика Коми (опережающий отток женщин с 17 лет)	Астраханская область (опережающий отток женщин с 21 года)
0	19	-43	-4	26
1 год	2	-32	-7	1
2 года	-13	-3	13	-10
3 года	48	-15	-24	-11
4 года	11	-16	51	33
5 лет	30	33	-66	0
6 лет	3	-15	-74	18
7 лет	-44	-30	-25	-5
8 лет	-22	8	-19	-34
9 лет	-20	45	39	-14
10 лет	48	-27	-58	-4
11 лет	5	1	-21	-2
12 лет	35	41	-4	-12
13 лет	-5	-24	4	11
14 лет	41	11	-53	-27
15 лет	-8	19	43	-46
16 лет	-67	111	-30	-144
17 лет	81	86	72	-25
18 лет	299	-9	129	-3
19 лет	104	-85	103	-26
20 лет	-76	-231	-12	-26
21 год	-56	-250	20	5
22 года	229	60	86	126
23 года	197	177	47	101

Окончание таблицы 3

Возраст, лет	Ивановская область (опережающий отток женщин с раннего детства)	Архангельская область (опережающий отток женщин с 8 лет)	Республика Коми (опережающий отток женщин с 17 лет)	Астраханская область (опережающий отток женщин с 21 года)
24 года	28	36	203	14
25 лет	49	212	100	68
26 лет	37	-25	70	66
27 лет	74	85	62	67
28 лет	73	131	66	55
29 лет	27	115	113	56

Примечание: Тёмный фон ячейки, положительные значения = превышение эмиграции женщин, над эмиграцией мужчин; белый фон ячейки, отрицательные значения = превышение эмиграции мужчин над эмиграцией женщин.

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

В молодых возрастах численность мужчин превышает численность женщин вследствие того, что мальчиков рождается несколько больше, чем девочек. (см. табл. 4).

Таблица 4

Превышение численности мужчин над численностью женщин в возрастных группах в Российской Федерации, %

Возраст, лет	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.
до 1 года	4,18	4,87	5,39	5,92	5,80
1 год	4,10	4,91	5,25	6,47	5,90
2 года	3,73	4,96	4,80	5,73	6,46
3 года	3,53	5,01	5,23	5,62	5,71
4 года	3,66	4,87	5,01	5,76	5,61
5-9 лет	3,15	4,59	4,89	5,63	5,69
10-14 лет	2,91	4,30	4,98	4,91	5,11

Источник: Демографической ежегодник России 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021, 167 с. Данные за 2020, 2021 годы взяты по состоянию на 1 января, остальные данные – по результатам переписей населения.

Если бы межрегиональная миграция носила сбалансированный характер, в ней преобладали бы мужчины примерно в той же пропорции, как они преобладают в численности населения. Преобладание же с молодого возраста в миграционных потоках женщин говорит о ярко выраженном «женском» характере межрегиональной миграции. На Рис. 1 представлена карта регионов, с указанием возраста, с которого превышение миграционной убыли девочек и женщин над миграционной убылью мальчиков и мужчин приобретает устойчивый, ежегодный характер.

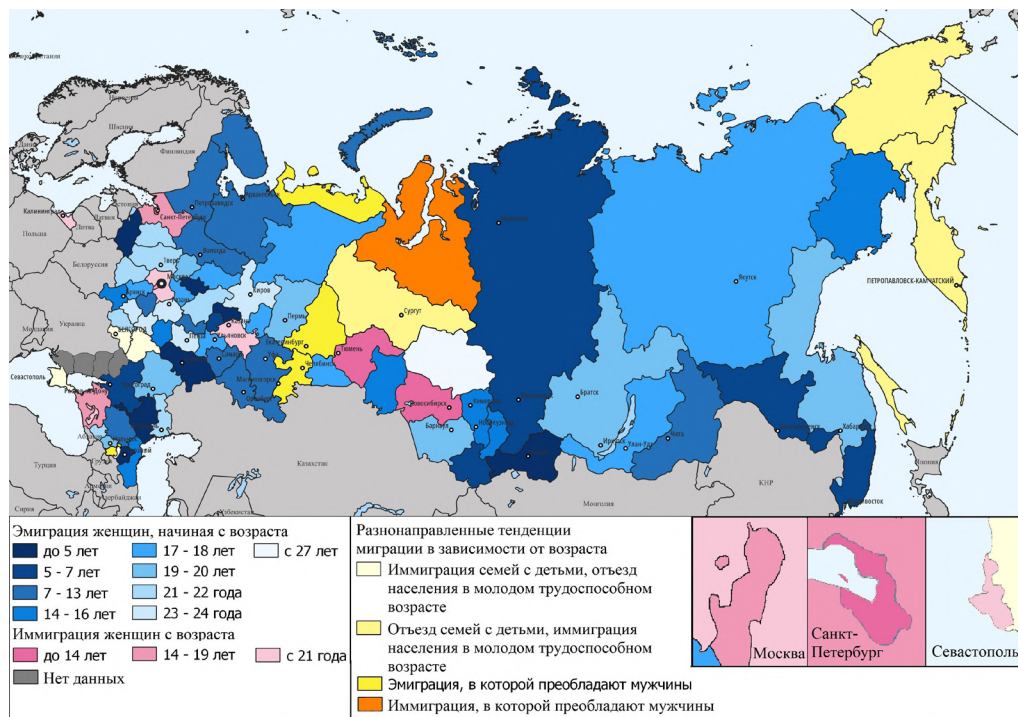

Рисунок 1. Карта «Преобладание женщин молодых возрастов в потоках межрегиональной миграции в Российской Федерации 2017–2019 гг.»

Источник: Составлено автором по данным Росстата.

Как видно из Рис. 1, в подавляющем большинстве регионов РФ эмиграция женщин начала превышать эмиграцию мужчин ещё до 25 лет, несмотря на численное преобладание мужчин в населении. В некоторых регионах эмиграция девочек превышала эмиграцию мальчиков с самого раннего детства: это Ивановская, Псковская, Саратовская области, республики Марий-Эл, Тыва, Калмыкия, Чеченская Республика. С детства эмиграция девочек начала превышать эмиграцию мальчиков также в регионах Севера Европейской России, некоторых регионах Юга России (Ростовская область, Ставропольский край, Республика Дагестан), Южного Урала (Оренбургская область, Республика Башкортостан), Сибири (Красноярский край, Кемеровская, Омская области, Республики Алтай, Хакасия), в регионах Юга Дальнего Востока. Значит уже в раннем возрасте родители старались вывезти дочерей из этих регионов. Причиной тому может быть суровый климат, неблагоприятная экологическая ситуация, высокий уровень преступности, низкий уровень доходов в регионе, неблагоприятная для женщин социальная среда в национальных республиках. В некоторых южных регионах (Ставропольском, Забайкальском краях, республиках Дагестан, Тыва, Чеченской Республике, Еврейской автономной области) в возрастах с 16 до 29 лет преобладающая эмиграция женщин сменяется эмиграцией мужчин.

Миграция женщин устремлена в регионы с высоким уровнем доходов и с лучшим качеством инфраструктуры (Санкт-Петербургская, Московская агломерации, Тюменская, Новосибирская области, Республика Татарстан, приморские Краснодарский край, Калининградская область, г. Севастополь). Миграция жен-

щин закономерно устремлена в те же регионы, куда идёт общий приток межрегиональной иммиграции, причём женская иммиграция более интенсивная, чем мужская. По всей видимости женщины и семьи с дочерьми оказываются более мобильны и активны, острее реагируют на внешнюю среду.

Миграционная убыль молодых женщин означает опережающий отток молодых, потенциальных матерей из большинства регионов России в узко ограниченный круг субъектов, в основном в крупнейшие, столичные городские агломерации с высоким качеством жизни. Однако в крупнейших городских агломерациях из-за высокой стоимости жилья происходит откладывание потенциальными матерями вступления в брак, откладывание рождения детей, планирование малого количества детей, что приводит к спаду рождаемости. Известно, что в агломерациях, особенно в Санкт-Петербургской, куда устремлена самая значительная часть женской межрегиональной миграции, рождаемость в среднем ниже, чем на периферии [10]. Большинство же регионов постоянно теряет в эмиграции потенциальных матерей, год от года снижая свой репродуктивный потенциал. Замечено также, что в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирской области наблюдается отъезд семей с детьми в младенческом возрасте (в Москве – с детьми до 1 года, в Новосибирской области – с детьми до 3-х лет, в Санкт-Петербурге – с детьми до 5 лет), что скорее всего связано с высокой стоимостью жилья, непосильностью его приобретения молодыми семьями москвичей, петербуржцев, новосибирцев. Для преодоления спада рождаемости, сдерживания миграционного оттока женщин из регионов необходимо создание в большинстве регионов России комфортных условий для проживания семей с детьми.

Особая ситуация с межрегиональной миграцией сложилась в ряде ресурсных регионов. Так, в Ханты-Мансийском, Чукотском автономных округах, Сахалинской области, Камчатском крае имеет место отток семей с детьми, но при этом миграционный прирост лиц в возрастах 20–30 лет. Это свидетельствует о привлекательности повышенных зарплат ресурсных регионов для молодых работников, но об отсутствии комфорта для проживания семей с детьми. Отдельно следует выделить Ханты-Мансийский автономный округ, который за время получения сверхдоходов, по всей видимости, так и не стал привлекательным для миграции семей с детьми, возможно из-за недостаточного развития социальной инфраструктуры. Противоположная ситуация наблюдается в некоторых южных регионах: в Республике Крым, в Воронежской, Белгородской областях. В них переезжают семьи с детьми, но в возрасте с 15 до 28 лет начинается отток населения, возможно по причине дефицита хорошо оплачиваемых рабочих мест в регионе. Таким образом, межрегиональная миграция является важным фактором формирования численного дисбаланса мужчин и женщин в регионах.

Рассмотрим миграционные процессы в более поздних возрастах, особенно в возрастной группе 25–29 лет, поскольку данная возрастная когорта выделена отдельно в результатах переписи населения. С 25 лет в численности населения, согласно данным переписи населения за 2020 год, уже преобладают женщины, но миграция продолжает характеризоваться гендерной спецификой. В 15–25 лет происходят активные временные миграции молодёжи на учёбу, часто возвратные. По всей видимости, это возраст максимальной мобильности. В возрасте же после 30 лет преобладание женщин уже значительно сильнее, в том числе по причине сверхсмертности мужчин (см. табл. 1). К возрасту 25–29 лет миграция принимает форму более устойчивую, носит более стабильный характер, а значит анализ данных миграции в этой возрастной когорте позволит сделать более

основательные выводы. В возрасте 25–29 лет миграция становится наиболее интенсивной, как правило, численные её значения максимальны.

Для отражения гендерных дисбалансов в поколении 25–29 лет необходимо учитывать не только миграцию, собственно, в 25–29 лет, но и в предыдущие годы. В возрастах 15–25 лет имеет место образовательная миграция, в основном возвратная. Если взять для анализа только самые близкие предшествующие к 25 годам поколения, то получим лишь возвратную миграцию без её первой части. Необходимо суммировать весь период целиком, но он не имеет чёткой границы. Поскольку поколения с годами переходят в другие возрастные группы, необходим самый широкий охват всех молодых поколений для расчёта итогового показателя миграции в молодых возрастах.

Было принято методологическое решение суммировать накопленным итогом миграционные дисбалансы всех поколений с 0 до 29 лет, поскольку в детстве миграции не так значительны, как в более поздних возрастах, но и они отражают некоторые тенденции, значимые для будущих поколений. Таким образом, накопленный показатель гендерных дисбалансов отражает миграционную ситуацию, сложившуюся в регионе к поколению зрелого возраста. Был рассчитан показатель гендерного дисбаланса (о котором шла речь выше в Таблице 2 и формуле 1) от 0 до 29 лет накопленным итогом.

$$\sum_{i=0}^{29} dM_{ПМ} \text{ ж} = Dn \quad (2)$$

Накопленный гендерный дисбаланс соотносился с численностью населения данного региона в возрасте 25–29 лет согласно данным переписи населения за 2020 год.

Конечно, накопленный показатель включает в себя не только ближайшие поколения к 25 годам, но и дисбалансы поколений самого раннего детства. Но, во-первых, наиболее интенсивные миграции происходят в возрасте старше 18 лет, таким образом влияние детских миграций на итоговый накопленный итог незначительно и часто бывает сnivelировано миграцией в последующих поколениях. Но если в детских возрастах складывается определённая тенденция, например, на отъезд женщин, как в Ивановской области, то расчёт кумулятивного показателя с самого раннего детства позволяет нам учесть этот момент.

На первый взгляд может показаться, что кумулятивный показатель, рассчитанный с 0 до 29 лет, необходимо соотносить со всей численностью населения до 29 лет. Однако такой расчёт приведёт к размыванию наибольших значений самой интенсивной миграции, которая наблюдается в возрастах 25–29 лет. В кумулятивном показателе, рассчитанном с самого раннего возраста, наибольшее значение занимает миграция старших, зрелых возрастов 23–29 лет (Табл. 3, Табл. 5), поэтому показатель Dn , хотя и рассчитывается с 0 до 29 лет, но наибольшее значение имеет для возрастной группе 25–29 лет.

Известное допущение содержится в том, что мы пролонгируем, экстраполируем существующие поколенческие тенденции на длительный период, но в условиях отсутствия на сайте Росстата детализированных, опубликованных данных ранее 2017 года, представляется возможным провести экстраполяцию существующих тенденций. Приведём порядок расчёта накопленного гендерного дисбаланса на примере Амурской области.

Таблица 5

Расчёт показателя накопленного гендерного дисбаланса за 2017–2019 гг.
накопленным итогом для Амурской области

Возраст, лет	Сумма сальдо миграции женщин, МПм(2017-2019), чел.	Сумма сальдо миграции мужчин, МПж(2017-2019), чел.	Гендерный дисбаланс сальдо миграции, dM-Пм-ж, чел	Гендерный дисбаланс накопленным итогом, Dп, чел.
0	6	1	-5	-5
1 год	-51	-53	-2	-7
2 года	-61	-27	34	27
3 года	-8	-44	-36	-9
4 года	-83	-85	-2	-11
5 лет	-90	-31	59	48
6 лет	-42	-84	-42	6
7 лет	-68	-51	17	23
8 лет	-21	-45	-24	-1
9 лет	-62	-34	28	27
10 лет	-44	-39	5	32
11 лет	-45	-37	8	40
12 лет	-42	-52	-10	30
13 лет	-37	-29	8	38
14 лет	-64	-19	45	83
15 лет	-36	-64	-28	55
16 лет	-53	-65	-12	43
17 лет	-149	-187	-38	5
18 лет	-284	-360	-76	-71
19 лет	-76	-45	31	-40
20 лет	92	97	5	-35
21 год	313	230	-83	-118
22 года	-28	169	197	79
23 года	-193	126	319	398
24 года	-152	-77	75	473
25 лет	-154	-76	78	551
26 лет	-188	-59	129	680
27 лет	-126	-77	49	729
28 лет	-146	-108	38	767
29 лет	-103	-139	-36	731

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

Как видно из Таблицы 5, в Амурской области, как и в других регионах, наибольшие значения показателей гендерного дисбаланса и миграции характерны для возраста 22–29 лет. С детства складываются тенденции оттока женщин,

которые с 17 лет временно сменяются «мужской» образовательной эмиграцией (частично возвратной), но с 22 лет вновь наблюдается интенсивный, устойчивый отток женщин. На формирование показателя накопленного гендерного дисбаланса наибольшее влияние оказали показатели миграции с 22 лет, до этого кумулятивный показатель был снивелирован возвратной образовательной миграцией. В случае с Ивановской областью кумулятивный дисбаланс начинает накапливаться с самого раннего детства, достигая максимума к 29 годам.

Затем накопленный гендерный дисбаланс D_n (миграционное превышение мужчин или женщин) соотносился с численностью населения в возрасте 25–29 лет (43421 чел.), полученный результат (16,83%) наносился на карту для сравнения с другими регионами. Аналогично производился расчёт по другим регионам, полученные результаты были нанесены на карту гендерных особенностей межрегиональной миграции в возрасте 25–29 лет (Рис. 2).

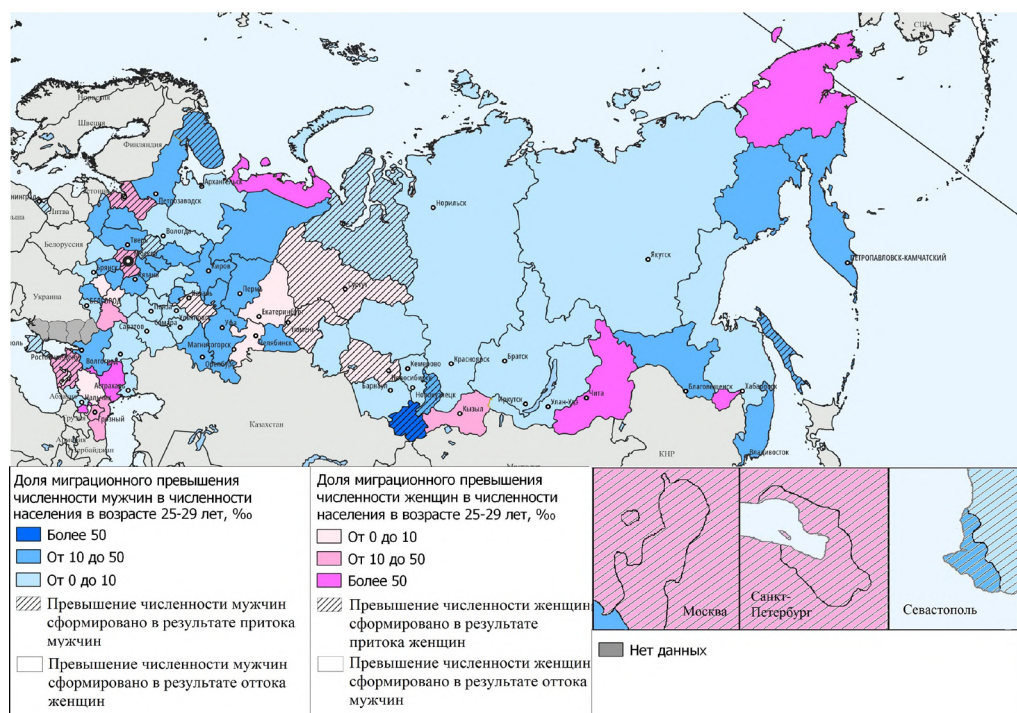

Рисунок 2. Карта «Гендерные особенности межрегиональной миграции в России в возрасте 25–29 лет в 2017–2019 гг.»

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

Как видно из карты на Рис. 2, во многих регионах из-за интенсивной женской эмиграции формировалось преобладание мужчин в молодых возрастах. Таковы многие регионы Европейской России, а также Дальнего Востока и Восточной Сибири. Миграционный приток женщин наблюдался, как уже говорилось выше, в Московской, Санкт-Петербургской агломерациях, Краснодарском крае, Тюменской, Новосибирской областях, Республике Татарстан.

К 25–29 годам появляются регионы миграционного оттока мужчин, прежде всего на Юге Европейской России: Воронежская, Липецкая, Орловская обла-

сти, Ставропольский край, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Калмыкия; на Юге Сибири и Дальнего Востока: Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская автономная область. Отток из южных регионов, по всей видимости, связан с дефицитом приемлемо оплачиваемых рабочих мест. Женщины из данных регионов в этом возрасте мигрируют не столь интенсивно, уже имея семью в национальных республиках. Может отчасти удерживать и более тёплый, мягкий климат. В более же северных регионах холодный климат может ускорять женскую эмиграцию. Мужская межрегиональная эмиграция характерна также для арктических автономных округов: Ненецкого и Чукотского.

Специфичными регионами повышенного миграционного притока мужчин являются ряд приморских регионов: Калининградская, Мурманская области, Республика Крым, г. Севастополь, возможно отчасти из-за военной, военно-морской специализации. Мурманская область может быть привлекательна для мужской миграции также благодаря горнодобывающим предприятиям. Мужским миграционным приростом отличаются также Ямало-Ненецкий автономный округ и Сахалинская область, скорее всего по причине вахтовой занятости на нефтегазодобыче. Концентрация мужской иммиграции в Ярославской области может объясняться миграцией в неё из регионов Европейского Севера, а прирост мужчин в Республике Хакасия – миграцией из соседней Республики Тыва [11]. Лидером по привлечению мужской иммиграции является Республика Алтай, скорее всего по причине наличия в ней особых рекреационных условий для лечения специфических мужских заболеваний. Таким образом, межрегиональная миграция является важным фактором формирования гендерных дисбалансов в регионах.

Международная миграция как фактор гендерных дисбалансов в регионах России. Рассмотрим международную миграцию как фактор формирования численного дисбаланса мужчин и женщин в регионах. Иммиграция из других стран в Россию имеет ярко выраженную «мужскую» составляющую, то есть мужчин приезжает больше, чем женщин, но от региона к региону степень мужской составляющей в миграционном потоке разнится. Для оценки влияния фактора международной миграции на формирование дисбаланса в численности полов проведём аналогичные расчёты, используя кумулятивный показатель D_n для международной миграции. Во многих регионах наблюдается устойчивый рост международной миграции с преобладанием мужчин с самого раннего детства. На основе рассчитанных данных составим карту (см. рис. 3).

Международная миграция с ярко выраженной мужской составляющей сильнее всего выражена в ресурсных регионах Дальнего Востока, особенно в Республике Саха (Якутия), Магаданской области, Камчатском крае, в Амурской, Сахалинской, Еврейской автономной областях, Приморском крае. В большинстве регионов Дальнего Востока превалирует трудовая миграция из Киргизии [12], в Магаданской области – из Узбекистана. В Сибири высоким уровнем привлечения мужской международной миграции отличаются ресурсные Кемеровская, Томская области, а также Тюменская область, скорее всего благодаря строительству объектов нефтеперерабатывающей промышленности в Тобольске. В Тюменской области преобладает иммиграция из Таджикистана, скорее всего трудовая, в Кемеровской и Томской областях – из Казахстана, скорее всего переезд соотечественников¹.

¹ Миграционный прирост // ЕМИСС: государственная статистика. URL: fedstat.ru/indicator/46162.

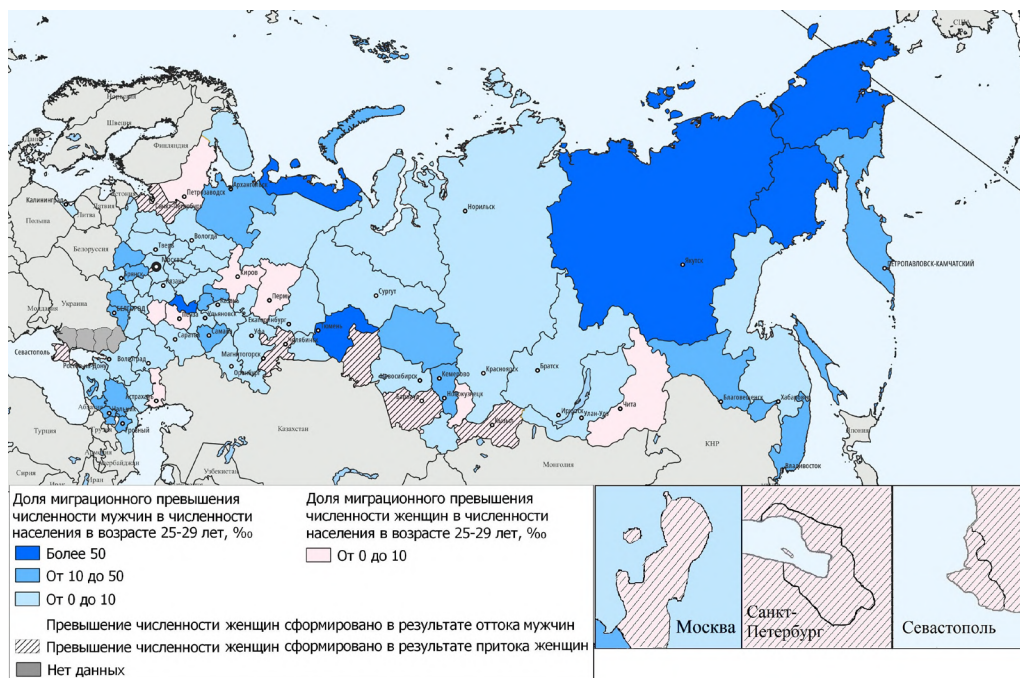

Рисунок 3. Карта «Гендерные особенности международной миграции в России в возрасте 25–29 лет в 2017–2019 гг.»

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

В Европейской России притоком международной иммиграции с преобладанием мужчин выделяются ресурсные Архангельская область с Ненецким автономный округом, а также республики Мордовия, Марий-Эл и Чувашия (иммиграция из Таджикистана). Повышенная мужская миграция наблюдается также в приграничной к Новой Москве Калужской области, близкой к Беларуси Смоленской области, приграничных с Украиной Белгородской, Курской областях, а также на Северном Кавказе и в Самарской области. В приграничной к Москве Калужской области, а также в Самарской области преобладает иммиграция из Республики Таджикистан, в Смоленской области – из Белоруссии, в Курской и Белгородской областях – из Украины. Довольно пёстрая картина международной миграции представлена на Северном Кавказе: для Республики Адыгеи характерна иммиграция из Туркменистана, для Карачаево-Черкесской Республики – из Узбекистана, для Северной Осетии – из Грузии, для Ставропольского края – армянская иммиграция, для Чечни – миграция из Узбекистана, возможно возвращение чеченцев. В Кабардино-Балкарской Республике наблюдается миграция из Сирии и Египта, возможно этнических черкесов. Таковы регионы максимальной концентрации мужской международной иммиграции и страны выхода мигрантов².

Существуют регионы, в которых, в результате процессов международной миграции, формируется дисбаланс с численным перевесом в сторону женщин. Женская иммиграция из Украины была характерна для Москвы, Санкт-Петербургской агломерации, Крымского полуострова. В азиатской России женская

² Миграционный прирост // ЕМИСС: государственная статистика. URL: fedstat.ru/indicator/46162.

иммиграция из Казахстана имела наибольшее значение для Челябинской, Омской областей, Алтайского края. В Республике Тыве преобладала женская иммиграция из Киргизии, что могло быть связано с миграцией на работу в социальной, бюджетной сфере, учитывая высокую долю бюджетной занятости в регионе³.

Наконец, в некоторых регионах наблюдался перевес в сторону женщин из-за оттока мужчин в другие страны, возможно возврат мигрантов в страны выхода (реиммиграция). Такая ситуация наблюдалась в Астраханской, Пензенской, Тамбовской, Кировской областях, Республике Хакасия. В Забайкальском и Пермском краях имела место эмиграция мужчин на Украину возможно также возвратная. В Карелии была развита эмиграция в соседнюю Финляндию⁴. Таковы были гендерные особенности международной миграции в России в 2017–2019 гг.

Наконец, рассмотрим итоговые гендерные дисбалансы в регионах России, просуммировав и сопоставив между собой дисбалансы D_p , накопленные в результате межрегиональной и международной миграций.

В большинстве регионов к возрасту 25–29 лет формируется перевес в сторону мужчин в результате процессов миграции (Рис. 4). Особенно заметно мужское преобладание в результате фактора международной миграции в регионах

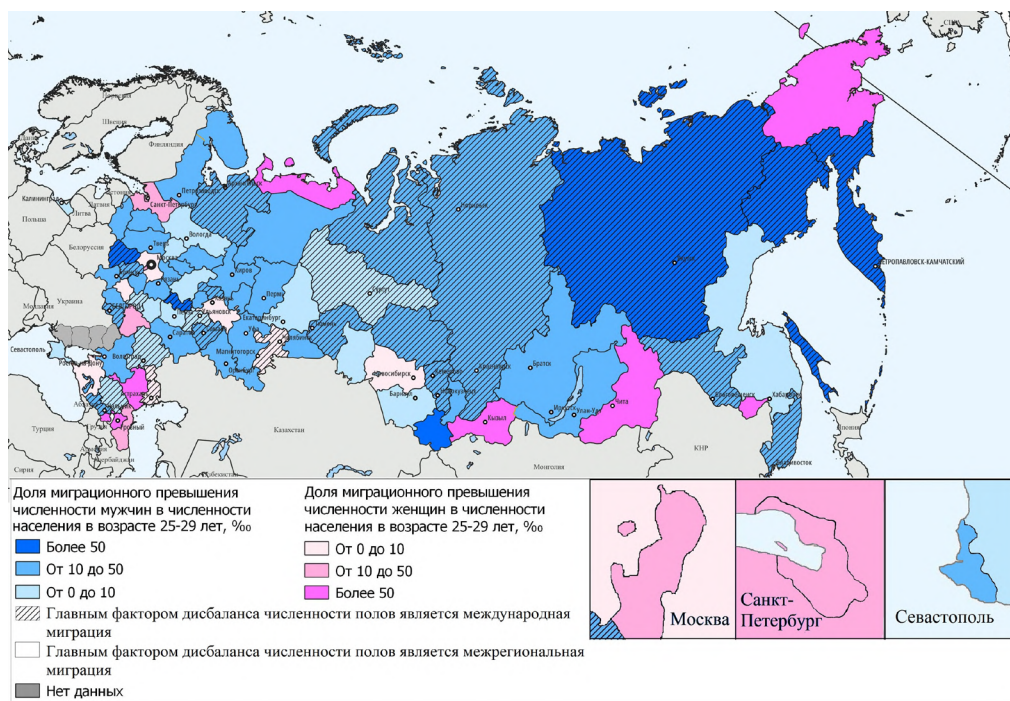

Рисунок 4. Карта «Межрегиональная и международная миграции как факторы формирования гендерных дисбалансов в регионах России в 2017-2019 гг.»

Источник: Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

Дальнего Востока и Сибири. Причём, если для Красноярского края международная миграция сама по себе не была высокозначимой для формирования гендерного дисбаланса, то в сочетании с фактором оттока женщин в другие регионы России, численный перевес мужчин оказался уже значительным. В Европейской же России главным фактором, формирующим дисбаланс, является именно отток женщин, скорее всего в городские агломерации Санкт-Петербурга и Москвы. Полярная ситуация наблюдается в республиках Северного Кавказа: в западных республиках (Адыгее, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии) статистически наблюдалось преобладание мужчин вследствие международной иммиграции, а в срединных и восточных – перевес женщин вследствие интенсивного оттока мужчин в другие регионы. Существенный отток мужчин в другие регионы наблюдался также в Воронежской области, Забайкальском крае, республиках Калмыкия, Тыва, а также в Ненецком, Чукотском автономных округах, Еврейской автономной области. Межрегиональный отток мужчин чаще всего сопровождается приездом мужчин из других стран. Можно констатировать, что главными процессами, формирующими гендерный дисбаланс для большинства регионов России в молодых возрастах, является процесс миграционного оттока женщин в столичные агломерации и миграционного притока мужчин - трудовых мигрантов из азиатских стран.

Рассмотрим результаты переписи населения 2020 г. в контексте гендерных дисбалансов в регионах (рис. 5).

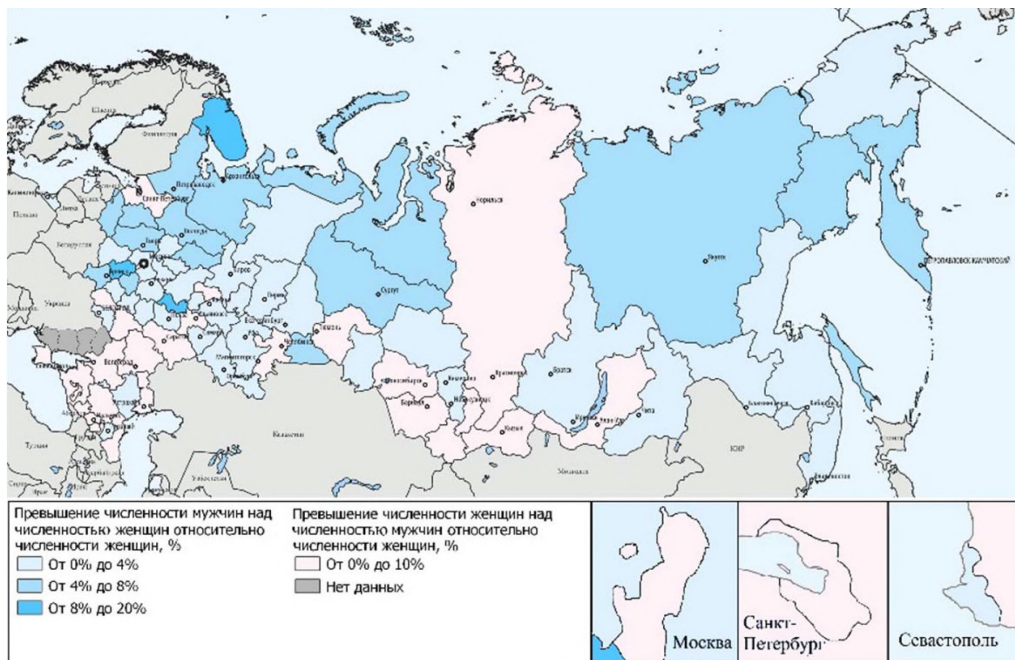

Рисунок 5. Разница в численности мужчин и женщин в регионах России в возрастной группе 25-29 лет в 2020 году

Источник: Росстат. Данные Всероссийской переписи населения за 2020 год. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 05.09.2023).

На рис. 5 выделяются регионы повышенного преобладания мужчин: Калужская область, Республика Мордовия, Мурманская область. Из предыдущего анализа потоков миграции известно, что их дисбаланс (кроме Мурманской области) сформирован преимущественно за счёт иммиграции мужчин из Таджикистана. Аналогично преобладание мужчин на Дальнем Востоке связано главным образом с миграцией из Киргизии, а в Архангельской области и в Сибири – с миграцией из Таджикистана.

На рис. 5 заметно преобладание женщин в более южных регионах и преобладание мужчин в северных, распределение гендерного дисбаланса происходит по закону географической зональности, имеет субширотный характер. В южных регионах часто наблюдается повышенный уровень безработицы, низкий уровень оплаты труда, тогда как северные регионы зачастую ресурсно-сырьевые с повышенной оплатой труда. Холодный климат служит серьёзным фактором, «выталкивающим» женщин в эмиграцию, особенно в сочетании со снижением уровня доходов и деградацией социальной сферы. Если сравнить карты на рисунках 4 и 5 заметно, что на рис. 5 больше регионов с преобладанием женщин в южной полосе расселения. Больше преобладание женщин в южных регионах по результатам переписи населения может быть связано с тем, что в межрегиональной статистике учитывается лишь зарегистрированная миграция, тогда как перепись проводилась по фактическому местонахождению. Таким образом, многие мигранты могли не попасть в статистику миграции, но оказались отражены в переписи. Фактический отток мужчин из южных регионов, равно как и отток женщин из северных, может быть гораздо больше регистрируемых в статистике величин, что возможно и зафиксировала перепись. Дисбаланс север-юг может быть связан с вахтовой занятостью, когда вследствие низкой оплаты труда в регионах, мужчины вынуждены ехать работать на северную вахту, что негативно сказывается на состоянии семей [13]. Гендерный дисбаланс может быть исправлен путём создания высокооплачиваемых рабочих мест в южных регионах, развитием их экономики с одновременным развитием комфортной для женщин и детей социальной сферы в северных регионах. Для этого необходимо финансовые средства, ресурсно-сырьевую ренту, банковские капиталы направлять внутрь страны, вкладывая в экономику и социальную сферу её регионов.

Выводы. На формирование гендерных дисбалансов в регионах России главное влияние оказывает три демографических, миграционных процесса.

Одним из основных процессов, формирующим разницу в численности полов в регионах России в молодых возрастах, является миграционный отток женщин в столичные агломерации с высоким уровнем развития социальной сферы, высоким уровнем заработных плат. Высокая стоимость жилья в столичных агломерациях приводит к откладыванию женщинами вступления в брак, откладыванию рождения детей, снижению репродуктивных планов, что приводит к спаду рождаемости. Регионы же выбытия женщин (большинство регионов России) лишаются значительного числа потенциальных молодых матерей, ушедших в эмиграцию. Факторами, выталкивающими молодых женщин в эмиграцию из регионов своего проживания, являются бедность, низкий уровень заработных плат, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, маргинализация, преступность в регионах, а также некомфортная для женщин социальная среда в части национальных республик. Эмиграция женщин происходит с самого раннего возраста, наибольшее значение она имеет для регионов Европейской России, Сибири и Юга Дальнего Востока.

Другим фактором, формирующим гендерный дисбаланс в регионах, является приезд трудовых мигрантов мужчин, в основном из Таджикистана и Киргизии. Особенно в сочетании с женской эмиграцией, мужская трудовая иммиграция

формирует гендерный дисбаланс в регионах Дальнего Востока и Сибири, в пристоличной Калужской области, в Республике Мордовия.

Третьим фактором, оказывающим влияние на соотношение численности полов в регионах, является эмиграция мужчин из южных регионов в более северные, ресурсные. Выталкивающим из южных регионов фактором является низкий уровень заработной платы, слабые возможности для трудоустройства. Северные же и восточные, ресурсные регионы, несмотря на высокий уровень заработных плат, по уровню развития социальной инфраструктуры, транспортной доступности зачастую не компенсируют особенности сурового климата и являются мало привлекательными, некомфортными для проживания семей с детьми (Ханты-Мансийский автономный округ, Сахалинская область). Наоборот, многие южные регионы, в т.ч. Республика Крым, Белгородская, Воронежская области, являясь привлекательными для семей с детьми, характеризовались эмиграцией в зрелых возрастах в связи с низкими заработными платами. Таким образом, низкие заработные платы в южных регионах и низкий уровень развития социальной сферы, инфраструктуры в северных приводят к вынужденной трудовой, вахтовой миграции с Юга на Север, что негативно сказывается на семьях вахтовиков, формируется гендерный дисбаланс как в регионах Юга, так и Севера. Для устранения диспропорций необходимо кратное повышение заработной платы в южных регионах и создание комфортной для проживания семей с детьми инфраструктуры в регионах Севера.

Для стран Ближнего Зарубежья характерны те же тенденции: миграция мужчин из Беларуси в пристоличную Смоленскую область, миграция женщин из Украины в Москву и Санкт-Петербург, трудовая миграция из стран Средней Азии в ресурсные регионы Сибири и Дальнего Востока по всей видимости с формированием противоположных гендерных дисбалансов в странах выхода. Данные миграционные процессы, влекущие гендерные диспропорции как в регионах приёма, так и в странах выхода, происходят по тем же причинам: бедность, низкая заработная плата в регионах проживания выталкивает мужчин на заработки в ресурсные и пристоличные регионы России, а женщин – в столичные агломерации. Необходимо устранение диспропорций через более справедливое распределение финансов в экономике, в том числе корпоративных и банковских. Инвестирование их в региональные отрасли хозяйства, в создание в регионах социальной сферы, комфортной для постоянного проживания семей с детьми.

Библиографический список

1. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышлин С. Н. Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 4. С. 53–65. DOI [10.21064/WinRS.2019.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.5). EDN [HRVZXP](https://www.edn.ru/HRVZXP).
2. Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю., Ростовская Т. К., Брушкова Л. А. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4(89). С. 85–99. DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8). EDN [VORDFH](https://www.edn.ru/VORDFH).
3. Храмова М. Н., Рязанцев С. В. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, № 4. С. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19). EDN [YRQACD](https://www.edn.ru/YRQACD).
4. Рыбаковский О. Л., Мартыненко С. В. Гендерный аспект глобальной миграции // *Социологические исследования*. 2012. № 4(336). С. 35–41. EDN [OYSNHN](https://www.edn.ru/OYSNHN).
5. Роцин С. Ю., Зубаревич Н. В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. М. : Информационный центр ООН, 2005. 73 с. EDN [SUGGEE](https://www.edn.ru/SUGGEE).
6. Тюрюканова Е. В. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // *Диаспоры*. 2005. № 1. С. 48–64.
7. Семенова О. В., Бутовская М. Л. Теоретические и практические следствия дисбаланса в количестве мужского и женского населения в современной России. Влияние фактора соотношения полов в регионе на индивидуальный уровень материального

- благополучия // Социодинамика. 2020. № 3. С. 30–45. DOI [10.25136/2409-7144.2020.3.29974](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.3.29974). EDN [SBHYMP](https://www.edn.ru/SBHYMP).
8. Иммиграция как вызов национальной безопасности России / Под ред. М. В. Ремизова. М.: Институт национальной стратегии, 2014. URL: https://u.to/_2cnIA (дата обращения: 05.09.2023).
 9. Гендерное равенство, социальная защита и развитие сельских территорий. Будапешт : Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, 2016. URL: <https://u.to/wGgnIA> (дата обращения: 05.09.2023).
 10. Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Смирнов О. О. Региональная проекция рождаемости в России: дифференциация, динамика, факторы // III Всерос. демогр. форум с междунар. уч.: Матер. форума (Москва, 03–04 декабря 2021 г.). М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 62–66. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13). EDN [SIETOA](https://www.edn.ru/SIETOA).
 11. Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю. Особенности межрегиональной миграции в Российской Федерации в 2017–2019 гг. // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 45–65. DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-05). EDN [JNCGWP](https://www.edn.ru/JNCGWP).
 12. Рязанцев С., Письменная Е., Мирязов Т., Дудина О. Экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана: тенденции и последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 1. С. 109–124. EDN [ANSHLN](https://www.edn.ru/ANSHLN).
 13. Кузнецова Г. Ю. Географическое исследование монопрофильных поселений России : дисс. ... канд. географ. наук : 25.00.24 / Кузнецова Галина Юрьевна. Москва, 2003. 260 с. EDN [NMJUFF](https://www.edn.ru/NMJUFF).

Поступила: 08.09.2023. Принята: 19.10.2023.

Сведения об авторе:

Микрюков Николай Юрьевич, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела георурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. ecoro@mail.ru

N. Yu. Mikryukov¹

¹ Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Moscow, Russia

INTERREGIONAL AND INTERNATIONAL MIGRATION AS FACTORS OF GENDER DISPARITIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

Abstract. The subject of the study is the disproportion in the number of men and women at young ages in the regions of Russia. The aim of the study is to assess the impact of interregional and international migration on the formation of gender imbalances in the regions of Russia. As a hypothesis, it was assumed that the results of the analysis of migration statistics would coincide with the results presented in the 2020 census. The available statistical series of the inter-census period 2017-2019 were used for the study. The indicator of accumulated migration gender imbalance by the age of 29 was developed and applied and correlated with the population aged 25-29 years, maps were built based on the results obtained. It is noted that in most regions of Russia there is an emigration of women starting in very early childhood. Young women are actively moving out of poor regions, from regions with a low level of social development, mainly to metropolitan agglomerations of St. Petersburg and Moscow, Moving to agglomerations with expensive housing entails postponing marriage, a drop in the birth rate, regions lose their reproductive potential. At the same time, there is a labor immigration of young men, mainly from the republics of Tajikistan and Kyrgyzstan, which, combined with the outflow of girls, creates a numerical male preponderance at young ages, especially in the resource-raw regions of the Far East and Siberia, in the coastal Kaluga region, in the Republic of Mordovia, which is confirmed by the 2020 census data. At the age of 25-29, there are departures of men from southern regions to more northern ones for forced work with separation from families, which negatively affects family life and

demographic development. Income equalization is necessary to eliminate gender imbalances, correct negative demographic trends, increase fertility, and strengthen family ties. Financial resources, including resource and raw material rents, and bank capital should be used to raise wages, to recreate traditional industries in the southern regions and countries; and to create a high level of social infrastructure comfortable for families with children in the regions of the North. The results of the study can be applied in regional and international politics to develop government decisions involving large businesses to invest in countries and regions. The conduct of future gender studies by country and region will be closely linked to the quality and availability of statistical material on this topic.

Keywords: gender inequality, regions of Russia, migration, gender, demography, women in Russia

For citation: Mikryukov N. Yu. Interregional and international migration as factors of gender disparities in the regions of Russia. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):65–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.6>

References

1. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Peremyshlin S. N. Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulation. *Woman in Russian Society*. 2019;(4):53–65. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.5).
2. Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. Yu., Rostovskaya T. K., Brushkova L. A. Marriage emigration of women from Russia: scale, reasons, features. *Woman in Russian Society*. 2018;(4):85–99. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2018.4.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.8).
3. Khramova M. N., Ryazantsev S. V. Factors of Emigration from Russia: Regional Features. *Ekonomika regiona*, 2018;14(4):1298–1311. (In Russ.). DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19).
4. Rybakovsky O. L., Martynenko S. V. Gender aspect of global migrations. *Sociological Studies*. 2012;(4):35–41. (In Russ.).
5. Roshchin S. Y., Zubarevich N. V. Gender Equality and Women's Empowerment in Russia in the Context of the Millennium Development Goals. Moscow: UN Information Center; 2005. 73 с. (In Russ.).
6. Tyuryukanova E. V. Gender aspects of labor migration from CIS countries to Russia. *Diasporas*. 2005;(1):48–64 (In Russ.).
7. Semenova O. V., Butovskaya M. L. Theoretical and practical consequences of imbalance in the coefficient of male and female population in modern Russia: impact of the factor of ratio of genders in the region upon individual level of financial wellbeing. *Sociodynamics*. 2020;(3):30–45. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7144.2020.3.29974](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.3.29974).
8. Remizov M. V. (ed) Immigration as a challenge to Russia's national security. Moscow: Institute of National Strategy; 2014. (In Russ.). Available at: https://u.to/_2cnIA (accessed: 05.09.2023).
9. Gender Equality, Social Protection and Rural Development. Budapest: Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2016. (In Russ.). Available at: <https://u.to/wGgnIA> (accessed: 05.09.2023).
10. Mikryukov N. Yu., Miryazov T. R., Smirnov O. O. Regional projection of birth rate in Russia: differentiation, dynamics, factors. In: III All-Russ. Demogr. forum with intern. part.: mater. of forum. Moscow: FNISC RAS; 2021. P. 62–66. (In Russ.). DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.13).
11. Bezverbny V. A., Mikryukov N. Yu. Features of inter-regional migration in the Russian Federation in 2017–2019. *Scientific review. Series 2. Human sciences*. 2021;(6):45–65. (In Russ.). DOI [10.26653/2076-4685-2021-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2021-6-05).
12. Ryazantsev S., Pismennaya E., Miryazov T., Dudina O. Export of labor resources from Kyrgyzstan: Tendencies and consequences. *Central Asia and the Caucasus*. 2019;22(1):109–124. (In Russ.).
13. Kuznetsova G. Yu. Geographical study of single-industry settlements in Russia. Candidate Degree Thesis. Moscow; 2003. 260 p. (In Russ.).

Received: 08.09.2023. Accepted: 19.10.2023.

Information about the author:

Nikolay Y. Mikryukov, Leading Researcher of the Department of Geo-Urbanistic and Spatial Demography, Institute of Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
ecoro@mail.ru